

История, рассказанная Ветром

Iris Noor

История, рассказанная ветром

<https://litres.ru/74329712>

SelfPub; 2026

Аннотация

Караван входит в город на закате, и во главе его — человек, чьего имени здесь ещё никто не знает. Он не спрашивает дороги. Он идёт так, будто улицы проложены специально для него — много веков назад.

К утру весь город будет звать его самым завидным женихом из всех, кого видели эти стены. К вечеру Нур получит подарок, о котором её никто не спрашивал.

Рашид умеет быть безупречным. Он помнит, какой чай она любит, прежде чем она успевает сказать об этом вслух. Возвращает вещи, о потере которых она никому не рассказывала.

Именно поэтому Нур становится страшно.

Потому что вежливость, доведённая до совершенства, начинает звучать как приказ. А забота, которой не сказали «нет», рано или поздно перестаёт спрашивать разрешения.

Восточный роман о человеке, который путает любовь с правом на обладание, и о женщине, которой предстоит понять разницу прежде, чем цена чужой «заботы» окажется слишком высокой.

Содержание

Глава	4
Содержание	12
Пролог	13
О том, что переживает дома	13
Глава первая	17
Город двух народов	17
Глава вторая	28
Гость из города джиннов	28
Г	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

История, рассказанная ветром

Глава

История, рассказанная ветром

Повесть о Нур, джинне и семи дверях

Hyp

Юсyf

Азхар

Равно

Содержание

- Пролог — О том, что переживает дома
- Глава первая — Город двух народов
- Глава вторая — Гость из города джиннов
- Глава третья — Дом, в котором пахло розами
- Глава четвёртая — Тот, кто не умел колдовать
- Глава пятая — За семью дверями
- Глава шестая — Сын человеческой женщины
- Глава седьмая — Дорога за восточные ворота
- Глава восьмая — Обещание джинна
- Глава девятая — Первая дверь
- Глава десятая — То, чего не знала Нур
- Глава одиннадцатая — Гость из прошлого
- Глава двенадцатая — Семь дверей
- Глава тринадцатая — Деревня у сухого русла
- Глава четырнадцатая — Тот, кого не должно было быть
- Глава пятнадцатая — Четвёртая дверь
- Глава шестнадцатая — Хранитель
- Глава семнадцатая — Шестая дверь
- Глава восемнадцатая — То, что было скрыто
- Глава девятнадцатая — Цена выбора
- Глава двадцатая — По ту сторону двери
- Глава двадцать первая — После дверей
- Глава двадцать вторая — То, что остаётся ветру

Пролог

О том, что переживает дома

Есть вещи, что переживают своих хозяев дольше, чем положено вещам.

Сундук, почерневший, будто побывал в огне, хотя огня не видел никогда. Медная лампа, чей фитиль истлел ещё при жизни прадедов. Дверь, чей скрип помнит больше человеческих голосов, чем способен вспомнить сам человек.

А есть истории. Они не умирают вместе с домами — они переживают и стены, и имена, и могилы, поросшие пыреем.

Спросите старика, откуда он знает эту повесть, и он не назовёт вам одного рассказчика. Один слышал её от отца. Отец — от деда. А дед, быть может, слышал её от голоса в ночи, когда костёр уже погас, а спать было нельзя, потому что снаружи кто-то тихо звал по имени.

Так вышло и с этой историей.

Много лет спустя один старик — сухой, как выбеленная солнцем кость, с глазами, в которых свет держался, точно масло в лампе, — рассказывал её внукам не как сказку, а как предостережение. Он никогда не клялся, что знает всё до конца. Напротив — предупреждал каждый раз: там, где говорят о джиннах, истина редко ходит одна. Обычно рядом

с ней, чуть позади, тянется тень, и тень эта умеет говорить не хуже самой истины, только слаще.

В одном он был непреклонен.

Нур существовала. Юсуф существовал. Дом с внутренним двориком, пахнущим розовой водой и раскалённым камнем, стоял на своём месте ещё многие годы после того, как оба ребёнка состарились.

И Рашид тоже существовал.

Об этом старик говорил тише всего — тем особенным, придушенным голосом, каким говорят не о мёртвых, а о тех, кто, возможно, ещё жив и способен услышать своё имя.

— Джинн ли он был на самом деле? — спрашивали его.

Он долго смотрел в окно, туда, где вечер синел над крышами, точно чернила, растёкшиеся в воде.

— А вы полагаете, — отвечал он, — что людям нужен джинн, дабы творить друг с другом то зло, что они творят и без всякой помощи?

И, помолчав, прибавлял тише:

— Но иногда люди принимают добро за зло. Потому что боятся того, чего не могут назвать по имени. А безымянное всегда страшнее клыков.

А ещё старик всегда прибавлял, подняв палец, будто напоминая самому себе прежде, чем слушателям: джинны — такие же творения, как и мы, вылепленные из иного вещества, но не более того. Среди них есть праведные и есть заблудшие, как и среди людей, — но нет среди них равного То-

му, кто сотворил оба народа разом, из огня и из глины, и ни один, даже старейший из старейших, не властен над тем, что выше его собственной, пусть и долгой, судьбы. Живут они дольше нашего, стареют медленнее реки, точащей камень, — но и они смертны, каждый в свой срок, назначенный не ими самими.

Долго эту историю не записывали. Не потому, что считали ложью, — напротив, слишком многие боялись, что это правда. В тех краях жило старое правило, произносимое едва слышно, точно молитва: не тревожь без нужды то, что однажды само решило оставить тебя в покое.

Но время не спрашивает разрешения. Дети вырастают и забывают язык, на котором говорили бабушки. Старики уходят, унося с собой пароли к дверям, о существовании которых никто, кроме них, уже не помнит. Базары меняют вывески. Караванные тропы зарастают колючкой и полынью. А имена стираются с могильных плит быстрее, чем кажется.

И однажды становится ясно: если историю не рассказать сейчас, она умрёт вместе с последним, кто её ещё помнит, — умрёт по-настоящему, без надежды на пробуждение.

Потому её всё же записали.

Не такой, какой она ходила по базарам, обрастая по пути небылицами и чужими прикрасами, а такой, какой её хранили в одной-единственной семье — от отца к сыну, от бабки к внучке, — как хранят соль: бережно, в сухом месте, вдали от чужих слёз.

Началась она в городе, где два народа делили одно небо.

И, как подобает всякой истории, что стоит того, чтобы её слушали ночью, началась она с самого обыкновенного утра — того утра, когда никто ещё не знал, что оно последнее из спокойных.

Глава первая

Город двух народов

Город лежал там, где пустыня, устав от собственной пустоты, наконец уступала место каменистым холмам, поросшим сухим кустарником и упрямым.

С востока к нему тянулись караванные пути — по ним из марева, дрожавшего над песком, выходили верблюды, гружённые шёлком, гвоздикой, корицей, финиками, слипшими от собственной сладости, и благовониями, чей запах чувствовался за полдня пути. С запада город обнимали сады: гранатовые деревья, чьи цветы в пору цветения выглядели так, будто ветви истекают кровью, и маленькие дома с белёными стенами, в трещинах которых пряталась вечерняя прохлада. А ещё дальше, за садами, начиналась земля, о которой предпочитали говорить только при свете дня, — да и то вполголоса.

Никто не помнил, кто первым положил здесь камень.

Одни говорили — царь, чьё имя выветрилось из памяти людской, как надпись с надгробья, простоявшего под солнцем три века. Другие — что город вырос вокруг источника, найденного случайным странником. Третьи, понижая голос и оглядываясь, утверждали, что первые стены здесь возвели

сами джинны — для себя, — а люди лишь после отвоевали часть камня и часть тени.

Эту последнюю версию при детях старались не повторять.

Хотя взрослые знали: в ней было куда больше правды, чем хотелось бы.

Люди и джинны жили бок о бок уже много поколений. Не дружно — но и не в открытой войне. У каждого народа были свои улицы, свои базары, свои клятвы и свои умолчания. Люди селились там, куда добиралось солнце. Джинны — там, где тень ложилась на землю даже в самый жаркий полдень, будто вечер приходил к ним раньше, чем ко всем остальным.

Человеческий базар открывался с первым криком муэдзина и первым скрипом ставен. Базар джиннов — если верить старым купцам, которые никогда не смотрели собеседнику в глаза, рассказывая об этом, — являлся совсем в ином месте после полуночи и исчезал прежде первого света, будто его и не было.

Иногда народы торговали друг с другом. Иногда заключали договоры — на бумаге ли, на крови ли, никто не уточнял вслух. Иногда просили друг у друга помощи. А иногда случалось нечто такое, о чём потом десятилетиями шептались за закрытыми дверями, гася лампу пораньше.

Оттого существовали правила. Дети усваивали их раньше, чем счёт.

Не приглашай в дом незнакомого джинна. Не бери у него подарка, если не знаешь его истинной цены — а цена есть

всегда. Не называй своё полное имя тому, кому не доверяешь: имя — это дверь, а дверь, однажды открытая чужаку, не всегда закрывается снова. Не заключай обещаний после заката — солнце свидетель, а без свидетеля слово весит меньше пыли. И, наконец, главное, что старухи повторяли внукам, расчёсывая им волосы перед сном, точно вплетая предупреждение в самую косу: не считай добрым того, кто слишком старается тебе понравиться.

Дети редко слушают стариков. Особенно мальчики.

Юсуфу было тринадцать лет, и он полагал себя достаточно взрослым, чтобы не слушать никого, — по крайней мере, до тех пор, пока дело не касалось старшей сестры.

Сестру звали Нур. Ей было около двадцати, и город знал её не только за красоту — красивых девушек в городе хватало, они цвели и увядали быстро, как маки после дождя. Нур обладала иным достоинством, более редким и куда более опасным: она умела слушать так, что молчание вокруг неё начинало говорить.

Когда торговец называл ей цену за ткань, она слышала не цифру, а то, что он силился скрыть за цифрой. Когда соседка жаловалась на мужа, Нур понимала, о чём та упорно не говорит. Когда плакал ребёнок, она редко спрашивала «почему» — просто садилась рядом на корточки, и этого оказывалось достаточно.

Лицо её почти всегда пряталось за тонким шёлком, оставляя миру лишь глаза — тёмные, спокойные, слишком доб-

рые, по мнению Юсуфа, и потому, тоже по его мнению, опасные. Длинные покрывала меняли цвет вместе со временем суток: на солнце ткань казалась песочной, точно сама пустыня одолжила ей свой оттенок; в тени — голубоватой, как предвечернее небо; а с приходом ночи становилась почти чёрной, будто Нур укрывалась в темноте раньше, чем темнота приходила сама.

— Ты опять смотришь на меня, — сказала она однажды, перебирая во дворике сухие лепестки роз для благовоний.

— Я смотрю на дерево.

— Дерево у тебя за спиной.

— Значит, я смотрю назад.

Нур рассмеялась — негромко, как смеются те, кто давно решил, что мир не стоит громкого смеха.

На стене в тот час сидела птица — маленькая, серая, с перебитым крылом, — и не двигалась с самого утра.

— Не трогай её, — сказала Нур.

— Почему?

— Испугается.

Юсуф всё равно подошёл. Птица дёрнулась, попыталась взлететь и упала обратно на камень. Он выругался вполголоса и присел рядом.

И тогда над двориком прошёл ветер.

Совсем лёгкий — такой, что едва тронул листья граната и поднял с земли горсть сухих лепестков, — но птица вдруг перестала дрожать, будто кто-то невидимый взял её в ладони

и утешил без слов.

Юсуф посмотрел на неё. Потом на сестру.

Нур тоже смотрела на птицу — и её пальцы, только что перебиравшие лепестки, вдруг крепче сжали край платка, словно она узнала в этом ветре чей-то голос, обращённый лично к ней.

— Что? — спросил Юсуф.

— Ничего, — ответила она и отвернулась.

Он тогда ещё не знал, что через много лет будет вспоминать этот ветер так же ясно, как вспоминают первую боль. И что ветер вообще будет слишком часто приходить туда, где жила его семья, — приходить не как погода, а как гость, который не стучится, потому что уже знает, что дверь откроют.

В тот день город готовился к празднику. На главной улице вешали фонари, стеклянные и цветные, точно нанизанные на нить драгоценные камни. Торговцы выносили лучшие ткани и раскладывали их так, чтобы вечерний свет ложился на шёлк особенно ласково. На площади жарили мясо, от которого шёл дым, густой, как молитва, варили чай со специями и продавали финики, начинённые орехами и обваленные в сахарной пудре, точно первый снег, которого никто в этом городе никогда не видел.

Юсуф любил такие дни — они пахли дымом, кардамоном и обещанием.

— Не уходи далеко, — сказала Нур, провожая его.

— Я уже не маленький.

— Именно поэтому и прошу.

— Это не имеет смысла.

— Увидишь — поймёшь.

Он закатил глаза и не успел ответить: из соседнего переулка донёсся крик — короткий, скрипучий, совсем не похожий на человеческий, будто кто-то одним движением провёл ржавым железом по камню. И тут же стих.

— Что это было? — спросил Юсуф.

— Кошка, наверное.

— Кошки так не кричат.

Нур посмотрела на него, и впервые за день в её голосе не осталось смеха.

— Тогда не ходи туда.

Он уже шагнул вперёд — и остановился только потому, что в её голосе не было страха. Была тревога. А тревога Нур, как он успел усвоить за тринадцать лет, значила больше, чем чей-либо страх.

Тогда из глубины улицы вышел старик, опираясь на трость, будто сама земля стала для него слишком тяжёлой.

— Закройте ворота, — сказал он вместо приветствия.

— Почему? — спросила Нур.

Он посмотрел на неё долгим взглядом, потом на Юсуфа — таким же.

— Сегодня ночью будут гости.

— Праздник же, — усмехнулся мальчик.

— Я не о людях.

И ушёл, не дожидаясь ответа, — так уходят те, кто сказал ровно столько, сколько был должен, и ни словом больше.

— Он просто старый, — фыркнул Юсуф.

— Возможно.

— И суеверный.

— Возможно.

— А ты веришь?

Нур долго молчала, подняв лицо к небу — ясному, без единого облака, будто оно нарочно ничего не хотело предвещать.

— В то, что джинны существуют?

— Да.

— Я верю, — сказала она наконец, — что не всё, что существует, обязано показываться людям.

Юсуфу этот ответ не понравился. Но спорить он не стал — потому что где-то в глубине, под рёбрами, уже поселилось предчувствие, слишком взрослое для тринадцати лет.

К вечеру город зажёл свои фонари, будто хотел удержать уходящий свет силой одного лишь желания. А когда над крышами проступила первая звезда — маленькая, дрожащая, как огонёк на сквозняке, — на восточной дороге показался караван.

Он был чересчур тихим. Верблюды шли без звона колокольчиков, точно кто-то заранее снял с них голоса. Слуги

молчали. А впереди, шагом, полным неспешного достоинства, ехал человек в длинной тёмной одежде — с открытым лицом зрелого, красивого мужчины, из тех, чья привлекательность с годами не убывает, а лишь приобретает вес, и до странности спокойным, будто спешить ему было некуда уже несколько столетий. На пальце его блестел чёрный камень, вбирающий свет фонарей и не отдающий его обратно. В нескольких шагах позади следовали четверо, опустив головы, точно тень, которая идёт за хозяином не потому, что обязана, а потому, что боится.

Никто в городе не заметил маленькую серую птицу, что сидела на крыше дома напротив.

Она смотрела на прибывшего — и вдруг встрепенулась, будто почувствовала то, чего не почувствовал никто из людей.

Ветер снова прошёл по улице — тот же самый ветер, что утешал её утром.

Человек во главе каравана поднял голову. Он посмотрел прямо на окно дома, где жила Нур. Улыбнулся — медленно, так, как улыбается тот, кто уже знает конец истории, но из вежливости позволяет ей длиться.

— Мы приехали вовремя, — сказал он одному из спутников.

Никто тогда не знал его имени.

И что его звали Рашид.

И что он был старше этого города — старше большинства

его мечетей, старше многих родов, чьи имена здесь называли древними. И что в его крови было столько власти, богатства и тьмы, что даже среди джиннов имя его отца произносили так, как произносят имя огня, вошедшего в поговорку: с уважением и без нужды повторять дважды.

Но всё это было впереди.

В тот вечер люди видели перед собой лишь знатного путника с красивым лицом.

И только Юсуф, стоявший у окна с недоеденным фиником в руке, не смог отвести взгляда.

Он ещё не знал почему.

Но впервые в жизни почувствовал страх раньше, чем успел увидеть причину для него, — так, как чувствуют перемену погоды за день до первой тучи.

Глава вторая

Гость из города джиннов

Город проснулся раньше обычного — ещё лежала синяя тень на узких улицах, а на базаре уже спорили торговцы, и в воздухе смешались запахи свежего хлеба, кардамона и дыма первых очагов, точно кто-то заваривал утро, как крепкий чай.

Юсуф проснулся от крика петуха и сразу вспомнил вчерашнего гостя — вспомнил не лицом, а тем холодком под рёбрами, который так и не растаял за ночь. Признаваться в страхе он не любил. Особенно если не мог объяснить, чего боится. Поэтому, когда Нур вошла во двор с кувшином, он уже сидел у стены, старательно делая вид, что вовсе не думает о человеке с чёрным камнем на пальце.

— Ты сегодня рано, — заметила она.

— Я всегда рано встаю.

— Вчера спал до полудня.

— Вчера было жарко.

— Сегодня тоже будет.

— Значит, проснулся по ошибке.

Нур улыбнулась одними глазами — рот скрывал шёлк — и стала поливать жасмин у бассейна. Юсуф помолчал, наблю-

дая, как вода тёмными пятнами расходится по сухой земле.

— Ты вчера его видела?

— Кого?

— Не притворяйся.

— Я не притворяюсь. В городе вчера было несколько тысяч людей.

— Того, кто приехал вечером.

Рука Нур на мгновение замерла над веткой — так коротко, что заметить это мог только тот, кто следит за сестрой годами.

— Видела.

— Он джинн.

— Почему ты так решил?

— Просто знаю.

— Это не ответ.

— Он не похож на человека.

Нур наконец посмотрела на него прямо.

— А как, по-твоему, должен выглядеть джинн?

Юсуф не нашёлся с ответом — и это было хуже всего. У него не было ни одного доказательства. Только ощущение, вцепившееся в горло с той секунды, как гость поднял голову и посмотрел на их окно. А ощущения, как известно, редко убеждают взрослых.

— Просто не разговаривай с ним, — сказал он наконец.

— Хорошо.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он кивнул, хотя облегчения это не принесло. Потому что обещания, данные ради того, чтобы младший брат замолчал, редко бывают крепче нитки.

К полудню человек с чёрным камнем — назвавшийся у ворот караван-сарая Рашидом, сыном рода, чьё имя вежливо переспрашивали дважды и никогда не переспрашивали в третий, — вышел на рынок один, без свиты, будто хотел, чтобы город рассмотрел его как следует.

Он не спрашивал дорогу. Не торговался. Он шёл так, точно улицы этого города он знал ещё до того, как их проложили, — и люди расступались перед ним не от страха, а от того смутного узнавания, какое бывает при виде хищника через стекло: любоваться можно, подходить — нет.

Он остановился у лавки старого торговца тканями.

— Мир вам.

— И вам мир, — старик поднял голову и не сразу вспомнил, зачем открыл рот: взгляд гостя, спокойный и внимательный, будто снимал мерку не с ткани, а с самого торговца.

Рашид провёл пальцами по рулону синего шёлка.

— Хорошая работа. Только не из Дамаска.

— Простите?

— Из Хорасана. Иногда человеку стоит знать цену тому, чем он себя окружает.

Он выбрал несколько отрезов и заплатил вдвое больше на-

званного — не как милостыню, а так, точно эта разница была платой не за товар, а за то, что старик посмел ему возразить взглядом.

К вечеру половина города знала, что гость богат. К ночи — что учтив, образован, красноречив и владеет землями за пустыней, о которых никто прежде не слышал. Хозяин кофейни, разливая чай, единственный сказал вслух то, что остальные боялись произнести:

— Не купец.

— Почему?

— Купцы смотрят на товар. Этот смотрит на людей. Так смотрит человек, выбирающий, что купить не глазами, а голодом.

Нур встретила его у старого фонтана, возвращаясь с корзиной фиников, когда тени домов вытянулись через всю улицу, будто пытались дотянуться до противоположной стены раньше заката.

— Ассаляму алейкум, госпожа.

— Ва алейкум ассалям.

— Позвольте вернуть то, что вам принадлежит.

На раскрытой ладони лежал маленький серебряный браслет — тот самый, что она потеряла несколько дней назад, и о пропаже которой не знал никто, кроме неё самой.

— Где вы его нашли?

— На дороге.

— Здесь?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро — так отвечают не тому, кто врёт, а тому, кто давно перестал считать ложь ложью, если она сказана мягко.

Нур взяла браслет; пальцы едва коснулись его ладони. В ту же секунду по улице прошёл ветер — узнаваемый, тёп-

лый, будто у него была память, — и Нур вздрогнула так, что задрезжали тонкие подвески на её запястье.

— Вам холодно?

— Нет.

— Тогда почему вы дрожите?

— Устала.

Он склонил голову — не поклон, а нечто более древнее, жест, каким кланяются не людям, а хозяевам того, что сами не признают своим хозяином, — и отошёл.

Он не заметил — или сделал вид, что не заметил, — как долго смотрел ему вслед мальчик, сидевший на крыше соседнего дома, и как этот мальчик потом бежал домой быстрее, чем бегал когда-либо от собак на базаре.

Вечером Юсуф не выдержал.

— Где ты была?

— На рынке.

— Я знаю. Зачем спрашиваешь?

— Ты разговаривала с ним.

— Он вернул мне браслет.

— Откуда он его взял?

— Не знаю.

— Вот видишь!

Нур устало провела ладонью по лицу — жест, слишком взрослый для двадцати лет.

— Не каждый незнакомец враг, Юсуф.

— А каждый джинн — не человек.

Она долго молчала, глядя в темноту за окном, где сгущалась ночь плотнее обычного, будто впитывала в себя весь дневной свет города про запас.

За окном раздался тихий стук. Один раз. Потом второй.

Нур подошла. На подоконнике лежал небольшой свёрток — плотная ткань, перевязанная нитью, которую никто в доме не покупал. Она развернула его: внутри, будто выточенный из тончайшего белого фарфора, лежал цветок, и в самой сердцевине его теплился слабый серебристый свет — не отражённый, а свой собственный, точно кто-то зажёл внутри лепестков крошечную лампу и забыл потушить.

— Это не человеческий цветок, — тихо сказал Юсуф, и голос его впервые за вечер прозвучал не как у мальчика, играющего в осторожность, а как у того, кто действительно боится.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

Она не стала спорить — положила свёрток обратно на подоконник.

— Пусть лежит.

— Нет.

Юсуф взял цветок. И в ту же секунду тот почернел изнутри — не увял, а именно почернел, будто свет внутри него превратился в дым, — лепестки осыпались пеплом, тонким и горячим, обжёгшим пальцы мальчика сильнее, чем обжи-

гает огонь.

В комнате стало очень тихо. А потом из сада донёсся смех — тихий, мужской, короткий, точно кто-то засмеялся сквозь зубы, чтобы не рассмеяться в голос.

Юсуф бросился к окну. Никого. Только тёмные ветви граната шевелились без ветра — и на одной из них сидела маленькая серая птица, та самая, с перебитым крылом. Она смотрела на него не по-птичьи внимательно. Потом вспорхнула — уверенно, будто крыло никогда и не было сломано, — и растворилась в темноте.

В ту же ночь, далеко за городскими стенами, там, где песок отливал не золотом, а чернью под особенной, тяжёлой луной, Рашид переступил порог дворца, стены которого давно забыли собственный цвет.

Внутри горели не свечи — синие языки пламени висели в воздухе сами по себе, не касаясь фитилей, будто огню здесь не требовалось топлива, только желание гореть.

В дальнем зале, в кресле, слишком высоком для человеческого роста, сидел старик. Даже сидя, он казался выше любого, кто мог бы встать перед ним. Седина в его волосах отливала не сединой вовсе, а старым серебром, а глаза, когда он поднял взгляд, оказались того же цвета, что и камень на пальце сына, — цвета, который не отражает свет, а забирает его себе.

— Ты видел её?

— Да.

— И?

— Она прекраснее, чем ты говорил.

— Я не говорил, что она прекрасна.

— Значит, ты говорил о ней недостаточно.

Из тени у стены раздался смешок — короткий, живой, совсем не похожий на голос старика.

На спинке высокого кресла, свесив ноги, сидел юноша лет двадцати на вид. В руках он держал маленькую раненую птицу и осторожно поглаживал её большим пальцем по голове.

— Ты опять подобрал зверушку, Азхар?

— Она не может летать.

— В человеческом городе таких сотни.

— Но эта попалась мне.

— Ты слишком мягок.

— А ты слишком жесток.

В зале стало тихо — той особенной тишиной, что бывает перед словом, которое кто-то не решается произнести первым. Братья несколько мгновений смотрели друг на друга — не как враги, а как двое, знающие друг друга слишком давно, чтобы обманываться внешним спокойствием.

— Довольно, — сказал старик.

Азхар опустил глаза. Рашид отвернулся — и только когда он вышел из зала, младший брат осторожно погладил птицу по голове и прошептал так тихо, что услышать могла бы разве что сама птица:

— Не бойся. Я тебя не отдам.

За окнами дворца поднялся ветер.

А очень далеко, в человеческом городе, Юсуф проснулся оттого, что кто-то тихо постучал в ставни. Он открыл глаза. На подоконнике снова лежал цветок — целый, белый, свежий, будто его час назад сорвали в чужом саду.

Только теперь он не светился.

И пах не серебром, а розами — так тяжело и сладко, что запах этот ещё долго держался в комнате, даже когда мальчик выбросил цветок за окно.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.